## Николай БЕРДЯЕВ[1]

# ПАТРИОТИЗМ И ПОЛИТИКА*

### I

Мы, русские, слишком привыкли говорить, что родина наша на краю гибели. Мы так долго говорим об этом, и слова наши так мало действенны, и так незначительны их практические последствия, что скоро никто уже не будет верить искренности и серьезности наших слов. Все слова потеряли свой удельный вес и перестали быть действенными. Происходит лишь быстрая смена министров, которые судорожно пытаются образовать сильное национальное правительство, но эта перестановка атомов производит впечатление болезненного бессилия, и ничто существенное от нее не меняется. Это явление, вполне аналогичное «министерской чехарде», происходившей в последний период существования старого режима. Основное направление общественной воли остается тем же. Для выхода же из трагического бессилия необходим внутренний психический сдвиг, необходима иная духовная атмосфера власти, более свободная, более правдолюбивая, воодушевленная не корыстными, классовыми и слишком человеческими идеями, а объективными национальными и государственными идеями, не зависящими от человеческого произвола. Многие признают, что в эту страшную и трагическую минуту русской истории Россию может спасти лишь патриотический подъем, лишь исключительное напряжение национального духа. Но порыва этого у нас нет, есть лишь призывы к нему и слова о нем. Все патриотические и государственные слова правительства, произнесенные на московском государственном совещании, так и остались словами, не перешли в действие. Вся эта новая для русской революционной интеллигенции терминология означает лишь, что государственные младенцы наши проходят первоначальную школу и учатся по складам произносить слова: отечество, нация, государство. Естественнее, казалось бы, чтобы власть в эту трудную минуту принадле-

---

[1] Николай Александрович Бердяев (1874 – 1948) – русский философ, социальный мыслитель, публицист. Его научное творчество – широчайшая палитра социально-философских и социологических идей о развитии человеческого общества, особенностях цивилизаций Запада и Востока, судьбах России, социальной психологии различных народов, религиозном сознании и т.д.

* Печатается по: Народоправство. 1917. 25 сент. № 10. С. 2 – 4.

жала тем, которые давно уже научились этим словам и чья психология более подходит для спасения государства и для его устроения.

И в это исключительное время хотят спасти Россию политическими комбинациями, ничего существенного не меняя, ни от чего не отказываясь, ничем не жертвуя и не рискуя. За эти несколько месяцев уже успела образоваться такая инерция революционной власти, какая в старой власти образовывалась на протяжении столетий. Психология правительства революционной демократии слишком во многом напоминает психологию правительства Николая II. Уступки делаются исключительно под влиянием страха и опасности, а не по внутреннему сознанию национального долга. Наша революционная политика заражена ложью, она быстро гниет и вырождается. Ложь была допущена в самой первооснове власти революционной демократии - никакая высшая, объективная и для всего народа обязательная правда не была положена в этой основе. Все оправдывалось интересами социальных классов, отдельных групп и отдельных личностей. Но всякая власть, которая будет направляться исключительно интересами, неизбежно должна разлагаться. В основе сильной национальной власти всегда лежит что-то, стоящее выше всех интересов. Власть по природе своей не может быть ни буржуазной, ни пролетарской, ею руководят не интересы классов, не интересы людей, а интересы государства и нации, как великого целого. Нет ничего легче, как сбиться в политике на путь лжи. Средства политической борьбы незаметно подменяют цели жизни. И в разъярении политических страстей трудно сохранить душу живую. Душа эта убивается господством интересов и корыстной борьбой за власть. Те, которые дорожат душевным здоровьем народа, должны признать, что в патриотизме есть что-то более первичное и более связанное с духовными основами жизни, чем в политике. В чувстве национальном есть что-то более интимное и более глубокое, чем в государственном сознании. И мотивы политические естественно должны были бы быть подчинены мотивам патриотическим. Тот, кто борется за родину, борется не за свои интересы и не за чужие интересы, а за ценность, стоящую выше всякого блага людского. Всякая великая борьба может быть оправдана лишь как борьба за свою правду и за Бога. И политика, в которой не будет этого духовного ядра, всегда будет ложной и разлагающей. Теперь более чем когда-либо можно сказать, что не время для политики, оторванной от духовных основ жизни и предоставленной самой себе и своим зыбким и двусмысленным стихиям. Дело идет о судьбе великого народа, и не только о внешней, политической и социальной его судьбе, но и о судьбе внутренней, о душе народа, которая может быть загублена во имя призрачных благ.

## II

Большое значение московского частного совещания общественных деятелей, собравшихся 8 – 10 августа, нужно видеть в том, что оно было собрано исключительно по патриотическому порыву и преследовало цели национального единения. Это не было достаточно оценено нашей печатью, не только «социалистической», которая мертва к национальным мотивам, но и «буржуазной». Московское частное совещание не представляло собой никакой политической комбинации, оно не было классовым объединением, оно стремилось создать национальный блок, в который могут войти представители всех классов и социальных групп, поскольку они настроены патриотически и государственно. Нет никаких оснований отрицать, что в такое единение может войти и разумно настроенное и сознательное крестьянство, что народный базис его может быть очень расширен. Такой национальный блок, или патриотический союз, объединяющий различные партии и группы, должен быть устойчивым и длительным образованием. В нем должна найти себе поддержку истинно национальная власть. И нужно сказать, что то течение русской общественности, которое объединилось на московском частном совещании, было настроено патриотически и национально, на нем высказывались думы о спасении родины, а не того двусмысленного существа, которое у нас именуется «революцией» и которое все более и более погружается в ложь и нравственное растление. И если можно в чем-либо упрекнуть московское совещание, то в том, что его национальный характер был недостаточно сильно выражен, что слишком много было, по современной терминологии, «общенационального», а не национально-русского. Есть три основные страсти, которые могут быть пробуждены в народе и могут стать двигателями его исторической судьбы, это – страсть национально-классовая, страсть национальная и страсть религиозная. Бессовестные демагоги уже использовали самую низменную из этих страстей – социально-классовую. Она отравила Россию, убила чувство правды в массе русских людей, образовала в душах нигилистическую опустошенность. И лишь пробуждение страсти национальной и религиозной может спасти русский народ от полного разложения и растления. О страсти религиозной сейчас не место говорить, это слишком великий вопрос, страсть же национальная не может быть «общенациональной» политической тактикой, она есть пробуждение огненной народной стихии.

В России сейчас образовалось три течения: одно хочет безусловно, без торга и без расчета спасать родину, в которой видит вечную ценность, и требует дисциплины в армии в целях патриотических и

национальных; другое хочет спасать родину условно, и расчетливо договаривается о том, чтобы родина была подчинена «революции» и «демократии», требует исключительно «революционной» дисциплины; третье безусловно предает родину и требует истребления её во имя всемирной революции. Характеристика этих трех течений, как «буржуазного», «умеренно-социалистического» и «крайне-социалистического» есть условная ложь и вздор. Пора перестать придавать значение терминологии черни, хотя бы она и мнила себя интеллигентной. Только люди, одержимые ложной идеей или совершенно темные и ограниченные, могут видеть что-то «буржуазное» в безусловной защите родины и в национальной настроенности, а социализмом называть условную защиту родины или безусловное ее предание. То, что у нас в течение полугода называют «социалистическим» движением, представляет нестерпимую ложь и обман и является ширмой для самых низменных массовых инстинктов и для бесстыдного демагогического им потворства. О социализме сейчас в России нельзя серьезно разговаривать, его совсем нет, есть лишь втаптывание в грязь социалистической идеи. Русский революционный социализм есть явление совершенно реакционное, он есть лишь наследие процессов разложения старой России. Нет у нас и никакого здорового, творческого демократического движения. Демократия понимается у нас столь извращенно, что напоминает какой-то пасквиль и карикатуру. Демоническая одержимость идеей равенства не есть демократия, ибо истинная демократия есть лишь искание путей подбора лучших, установление истинного неравенства. И можно подумать, что миссия русской революции – изобличение лжи, лежащей в основе демократического принципа, не желающего подчинить себя высшей правде. Изолгавшаяся демократия и изолгавшийся социализм есть явление нравственно безобразное. И мы более всего нуждаемся в нравственном оздоровлении нации, в духовном её возрождении, в пробуждении веры в Бога правды. Русский народ не может достойно воевать, потому что он потерял веру в святыни, превышающие всякие блага земные. Война во имя собственных интересов, во имя «земли и воли» не может быть оправдана. Ужас войны не может быть принят во имя рассудочных и утилитарных соображений. Этот трагический ужас может быть принят лишь теми, которые верят в цели жизни и святыни, лежащие выше данной эмпирической жизни с её ограниченными интересами. Но вера в божественный смысл жизни ослабела в русском народе, и он потерял силу в самую страшную минуту борьбы.

## III

Трагические события, связанные с именем генерала Корнилова, говорят о том, что мы продолжаем жить в атмосфере двусмысленности и мути. В том, как разыгрались последние события, чувствуется демоническое сцепление лжи и путаницы. Приходится думать, что темные силы действуют против России и не позволяют ей найти выход из трагического положения. Ныне господствующие в русском государстве силы так же не терпят правды и света, как не терпели их силы, господствовавшие в старом строе. Старая власть исключительно жила страхом революции: новая власть столь же исключительно живет страхом контрреволюции. И то и другое состояние одинаково не творческое, одинаково унизительное, одинаково обрекающее на ложь и светобоязнь. Это – путь болезненной мнительности, незаметно переходящей в злобную мстительность, и увенчивается он провокацией. Это – мрачное царство подполья, из которого никак не может выйти наша несчастная родина. Мы и после переворота, который должен был освободить нас, продолжаем задыхаться в мутной лжи. Свобода мысли, свобода слова у нас задавлены. Слишком ясно для честных людей, что в обвинениях против генерала Корнилова накопилась чудовищная ложь, обман и путаница. И вся Россия должна прежде всего потребовать выяснения истины и правды, которыми нельзя пожертвовать ни во имя чего на свете. Нельзя потерпеть, чтобы печать принудительного молчания была вновь наложена на наши уста. И если возмутительная ложь владеет нашей жизнью, то она должна быть изобличена и о ней нужно кричать на всех перекрестках. Революционная власть так же не может освободиться от большевизма, как власть дореволюционная не могла освободиться от черносотенства, и потому она не может быть национальной и патриотической. То, что у нас революционная пошлость называет – развитием и углублением революции», питалось ядом большевизма, который лишь в более разреженном виде присутствует и у социал-демократов меньшевиков, и у социалистов-революционеров. Большевистская бацилла имеет превосходную культуру в крови русской революционной интеллигенции, это – лишь новая форма ее исконного социального максимализма, который есть лишь обратная сторона ее исконного религиозного нигилизма. Радикальное освобождение от большевизма предполагает духовный переворот. До этого желанного духовного переворота власть в руках русской интеллигенции никогда не будет патриотической и национальной.

Можно разно оценивать для данного момента роковое столкновение между генералом Корниловым и Временным правитель-

ством, но отрицать героический патриотизм ген. Корнилова и его беззаветную преданность родине может лишь злая воля или корыстный расчет. Это должно быть признано по инстинкту правдивости, независимо от принадлежности к той или иной партии. Политика с ее страстями и расчетами, с ее борьбой интересов и борьбой за власть, не должна закрывать непосредственной жизненной правды. Всякая ложь должна быть низвергнута, и для этого должны объединиться все честные и правдивые, все совестливые и любящие свет. Мятеж против лжи есть священное право и священная обязанность человека. Все политики и все социальные интересы и социальные устроения – ничто по сравнению с вечным светом правды, с духовной жизнью человека. В непосредственном патриотическом порыве есть непосредственная жизненная правда, которой может и не быть в политике. В России должно начаться организованное патриотическое движение и требовать правды в политике. Атеистическая политика не может не быть ложью, она жертвует истиной и правдой во имя фиктивного блага людей, превращая это благо в идол. Но выше корыстного блага людского должна быть поставлена правда духовной жизни, без которой нет человека, нет в нем образа Божьего, нет народа с великой исторической судьбой.